

Спустя восемь веков

Историческая память народа

КОММУНИСТ
1984 № 3

История не сохранила документов о точном времени написания поэмы «Слово о полку Иго реве». Существует несколько гипотез, относящих ее возникновение к 80—90-м годам XII века. Каждая из них содержит по-своему убедительные доводы, но ни одна не может пока что быть признана бесспорной. Большинство произведений Древней Руси создавалось постепенно, этапами. Поход новгород-северского князя Игоря Святославича в Половецкую степь, которому непосредственно посвящено «Слово», состоялся, как известно, в апреле — мае 1185 года. И первый отклик на него, несомненно, последовал сразу за поражением Игоря. Именно непосредственно после поражения необходимо было призвать всех русских князей к единению, «загородить Полю ворота своими острыми стрелами». Обстоятельства похода настолько ярко отражены и в содержании произведения и в его общей эмоциональной настроенности, что оставляют впечатление «сиюминутной» их записи. Вот почему «Слово» полно самой живой, острой, еще не остывшей боли по поводу поражения русского войска, смело до безрассудности выступившего в поход против степных врагов Руси, непрестанно тревоживших ее своими жестокими набегами, уводом в рабство населения, разорением городов. Поэма вполне могла заканчиваться «Золотым словом» киевского князя Святослава, призывавшего все княжества стать на защиту Руси. Концовка же, связанная с возвращением Игоря из плена, могла быть дописана несколько позднее и тем же автором. Эта мысль высказывалась исследователями, и она вполне правомерна.

Все это дает основания считать, что, независимо от того, когда поэтическое произведение получило свое окончательное оформление, замысел его созрел в 1185 году. Вот почему, хотя мы и не располагаем достоверной датой создания «Слова», правильнее всего отмечать его 800-летие именно в 1985 году.

«Слово о полку Игореве» — достояние мировой культуры. В 1983 году на 22-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята резолюция «О праздновании 800-летия «Слова о полку Игореве», в которой, в частности, говорится:

«признавая непреходящее значение этого произведения в становлении русской и славянских литератур, которое также является вкладом в сокровищницу мировой литературы;

отмечая большую роль заложенных в этом произведении идей мира и гуманизма в формировании мировой духовной культуры;

учитывая широкую международную известность этого литературного памятника и то влияние, которое он наряду с другими величайшими произведениями древних литератур продолжает оказывать на мировой литературный процесс»;

сессия «призывает научную и культурную общественность государств — членов ЮНЕСКО широко отметить эту знаменательную годовщину в истории мировой культуры и *предлагает* Генеральному директору осуществить ряд конкретных мероприятий по участию ЮНЕСКО в праздновании 800-летия создания этого выдающегося памятника мировой литературы».

Журнал «Коммунист», включаясь в мероприятия по празднованию 800-летия «Слова о полку Игореве», предоставляет свои страницы видным советским ученым, деятелям литературы и культуры. Читатель, вероятно, обратит внимание на некоторые расхождения в точках зрения, выраженных нашими авторами. Это естественно. Каждый из них смотрит на «Слово» по-своему; оно воспринимается, как и всегда это было, неодинаково. Очевидно, все это говорит об огромной глубине и многогранности шедевра средневековой культуры. Но все наши авторы единодушны в главном — идейная и художественная сила произведения XII века неиссякаема. «Слово о полку Игореве» — крупнейшее, всемирно знаменитое произведение древнерусской культу-

Сама художественность «Слова» привлекает, волнует, радует читателей, неоспоримо свидетельствуя о высоте культуры Древней Руси — Руси еще независимой, не склонившейся под ярмом ордынского завоевания и ставшей общей Матерью трех братских восточнославянских народов — белорусов, украинцев и русских.

ры. Оно, как мост на огромной дороге жизни, помогает современному человеку соприкоснуться с моральными, идейными, эстетическими ценностями, накопленными в течение веков, тысячелетий, оно помогает лучше ощутить связь со своим народом, с его надеждами и свершениями, с его болью и радостью.

Своим высоким патриотизмом, выраженным с трепетным лиризмом, «Слово» привлекает к себе сердца многих и многих людей во всем мире — от Японии на востоке до Южной Америки на противоположном конце земного шара. Любовь к своей Родине делает «Слово» понятным и «вечным». Вот почему так много простых людей, а не только специалистов-филологов занимается «Словом», изучает его, переводит, толкует отдельные «темные» места, которые часто встречаются в древних памятниках. Сама художественность «Слова» привлекает, волнует, радует читателей, неоспоримо свидетельствуя о высоте культуры Древней Руси — Руси еще независимой, не склонившейся под ярмом ордынского завоевания и ставшей общей Матерью трех братских восточнославянских народов — белорусов, украинцев и русских.

Д. ЛИХАЧЕВ, академик

Золотое слово древнерусской литературы

«Слово о полку Игореве» не просто художественно — оно чрезвычайно значительно по своему идейному содержанию, за-

нимающая первенствующее место в литературах восточнославянских народов.

«Слово» призывает к единению всю Киевскую Русь в тот период ее истории (XII век), когда государственные связи между отдельными княжествами, казалось, совершенно распались, но когда тем не менее объединяющей силой стали язык, фольклор, историческая память и литература. Общность культуры явилась не только сдерживающим началом, но и началом, формировавшим собой народное, государственное самосознание.

Призыв «Слова» к единению перед лицом внешней опасности и настойчивое напоминание о необходимости единства во всем остаются актуальными и поныне. Это своего рода символ и завещание, глубочайшая забота о нас, потомках. «Слово» все обращено к будущему и в этом своем обращении мобилизует и историю Руси, и ее культуру, и природу, служа для нас примером. Оно, если можно так сказать, «стоит на челе» литератур русской, украинской и белорусской.

«Слово о полку Игореве» — произведение удивительной художественной и идейной силы. Она, эта сила, прежде всего в его близости устному народному творчеству, близости непосредственной, органической, а не стилизаторской или подражательной. Хотя это не запись свидетельства очевидца, а произведение, несущее в себе и отдельные книжные элементы, свойственные памятникам того времени, но художественно сконструировано оно по-народному, в духе народных плачей и слав. Народный характер носит и язычество «Слова», соединенное с некоторыми элементами христианства. Ведь сюжетная канва заканчивается тем, что герой поэмы Игорь едет благодарить богородицу «Пирогощую» за свое освобождение, а перед этим о том же его жена Ярославна по-язычески молит ветер, Днепр, солнце. «Слово» — памятник русского народного двоеверия, а вернее, народного доверия к русской природе и к сравнительно новой религии — христианской, однако воспринимаемой по-язычески.

Вопреки распространенному мнению, что фольклор любого народа резко своеобразен и в корне отличается от фольклора других народов, он как раз не разъединяет народы, а объединяет их на основе общих эстетических и идейных принципов. Вот почему «Слово о полку Игореве» столь близко великим европейским эпическим произведениям своего времени — поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», «Песни о Роланде», «Песни о нибелунгах», «Песни о моем Сиде», скандинавским сагам и пр. Все эти произведения относятся к общему для каждой из литератур периоду, когда фольклор переходит в книжность и рождает великие национальные поэмы. Языческие же верования связывают «Слово» с восточными культурами. «Слово» — памятник и национальный и мировой одновременно.

Примечательно и следующее: небольшое по объему «Слово о полку Игореве» объединяет в своем содержании огромные географические пространства и имеет широкий исторический фон. Действие его все время переносится из одного края Русской земли в другой: от Тмутаракани и Корсуни — на юге до Новгорода — на севере, от Галича и Карпат — на западе до Волги — на востоке. «Слово» упоми-

нает многие города и реки — и большие и малые. Оно вводит в круг повествования различные народы — венгров, венецианцев, поляков, восточные народы и т. д. Оно рисует гигантские пейзажи, охватывает своеобразным «ландшафтным зрением» многие реки и различные города Русской земли. Таким же необычайно острым слухом, как сам автор, наделены и действующие лица: звон в одном городе слышен в другом, князья переговариваются на громадных расстояниях, совершают быстрые передвижения. Автор поэмы видит Русскую землю как бы с заоблачной высоты. Вот почему он так часто упоминает птиц и особенно любит быстроногих зверей — пардусов, волков, лисиц... Столь же широко «Слово» и в историческом охвате: от Владимира «Старого» до современных автору князей, которых он не только называет, но и пытается характеризовать, ввести в круг событий окружающей жизни.

Можно сказать: «Слово о полку Игореве» обращено и к нам. Как только его открыли в начале 90-х годов XVIII века, оно сразу же стало стимулировать интерес к истории России, заставило изучать художественный аспект древней русской литературы, ее язык, фольклор, сыграло огромную роль в развитии русской литературы. Его внимательно изучали многие и многие выдающиеся русские поэты и прозаики. Цитаты из «Слова» удивительно поэтизировали текст любого произведения новой русской литературы. Особенно действенным «Слово» оказалось во время Великой Отечественной войны. В осажденном Ленинграде оно вдохновляло Александра Прокофьева и Ольгу Берггольц, поднимало дух защитников невской твердыни.

Эта небольшая поэма — своеобразное литературное чудо, одно из самых художественно активных творений мировой литературы. Это письмо, посланное нам из XII столетия на стреле с могучего плеча защитника Родины. Оно пользуется всеобщей любовью, привлекает пристальное, я бы даже сказал, «прицельное» внимание исследователей и простых любителей — широких советских и зарубежных читателей. А переводы «Слова» на основные языки мира неопровержимо свидетельствуют о древности и высоте русской культуры.

Б. РЫБАКОВ, академик

Историческое осмысление «Слова о полку Игореве»

В дни 800-летнего юбилея бессмертной поэмы встает ряд научных вопросов, связанных с изучением этого блестящего памятника русской общественной мысли XII века.

Высокие поэтические достоинства «Слова» очевидны. Автор превзошел лучших из своих современников, славившихся изысканности стиля и художественной формы, вроде знаменитого Кирилла Туровского. Однако в «Слове» нет и намёка на церковное красноречие; здесь есть природа, есть судьбы людей и государств, есть, наконец, романтика языческой старины. Поражает исключительная широта авторского кругозора, хронологическая глубина исторических ссылок: в поле его зрения оказывается вся Русь, вся Половецкая степь до

предгорий Кавказа и половина Европы, вплоть до Венеции и Германии. А в глубь веков автор заглядывает на восемь столетий, ровно на столько же, на сколько сам он отстоит от нас.

Стиль «Слова» в такой степени подействовал на современников что летописцы конца XII века пытались излагать события тоже в поэтической форме. Однако не только художественные достоинства сделали поэму памятником мировой культуры. Уже накануне походов Батые другой безымянный автор в весьма поэтичной форме, близкой к «Слову», упрекал живших в ту пору князей за раздоры и усобицы, губившие «светло светлую и прекрасно украшенную землю Русскую». В начале XIV века «Слово о полку Игореве» цитируют тоже в связи с осуждением феодальных усобиц (1307 год). После победы на поле Куликовом, явившейся результатом патриотического единения русских земель, создается новая поэма — «Задонщина», композиционно построенная по образцу «Слова». Когда два столетия назад рукопись «Слова о полку Игореве» благодаря усилиям собирателя древностей А. И. Мусина-Пушкина стала известна русскому обществу, она сразу же привлекла внимание и как поэтическое произведение и как важный источник познания средневековой общественной мысли.

«Слово о полку Игореве» не только поэма, но и полный глубокого патриотизма, мудрый *политический трактат*, анализирующий исторические явления продолжительного времени, содержащий целую систему доказательств, облеченных в поэтическую форму.

По поводу «Слова» в нашей литературе существует немало различных точек зрения, имеются разные истолкования как отдельных деталей, так и общего смысла поэмы. Поэтому при ее оценке необходим прежде всего строгий исторический подход.

Примером наиболее очевидной идеализации содержания поэмы является часто повторяемое утверждение, будто бы ее автор выступал против феодальной раздробленности. Это не так. Всю силу своего убеждения он вложил в идею *военного*, оборонительного единства Руси перед лицом грозного половецкого нашествия 1180-х годов, ни в малейшей степени не осудив глав тех суверенных государств, которые выкристаллизовались из единой Киевской Руси. Напротив, он достойно воспел могущество таких князей, как Ярослав Галицкий или Всеволод Большое Гнездо. Кристаллизация полутора десятков княжеств в тот период была еще прогрессивным явлением; отрицательно сказались их позднейшее дробление на уделы, настоящая раздробленность. Но это наступило лишь в XIII веке. В эпоху же написания «Слова» русские земли переживали общий расцвет, рост городской культуры, доказательством чего служило, например, создание новых школ архитектуры, развитие литературы, общественной мысли.

Автор «Слова» гневно и смело осуждал княжеские распри и кровавые усобицы, возникшие задолго до феодальной раздробленности и продолжавшиеся вплоть до его дней. То был голос народа, хотя сам автор, видимо, принадлежал к социальным верхам.

Другой пример недостаточной исторической осведомленности некоторых интерпретаторов «Слова» — излишняя идеализация

князя Игоря. Его нередко изображают горячим патриотом, отважно отстаивавшим независимость всей Руси от половцев. Думающие так введены в заблуждение снисходительным тоном поэмы в отношении князя, погубившего в степи войско и открывшего «ворота Полю». Почему погибло войско Северского княжества? Во-первых, потому, что Игорь предпринял торопливый *сепаратный* поход в то самое время, когда великий князь Святослав собирал силы для общерусского похода на Дон. Во-вторых, потому, что, захватив небольшое половецкое кочевье, легкая конница Игоря настолько перегрузилась трофеями, что все войско вынуждено было заночевать в степи.

Почему же автор «Слова», писавший обо всем этом в своей поэме, все же стремится пробудить сочувствие к Игорю, которого порицают и киевский князь, и греки, и чехи, и венецианцы? Да потому, что он стоит выше личного и частного: Игорь прибыл в Киев за военной помощью, и автор становится на его сторону, ему очень хотелось бы сломить «княже неспособность» ради общего дела.

Апрельско-майский 1185 года поход Игоря был не единственным неблагоприятным поступком северского князя: в 1180 году в союзе с ханами Кобяком и Кончаком он участвовал в усобице и довел своих степных союзников по русским землям до Западной Двины. В 1184 году, когда Святослав Киевский предпринял общий превентивный поход против половцев, Игорь и его черниговские родичи Ольговичи отказались от участия в нем: «Далеко нам идти вниз по Днепру». Весной 1185 года, когда киевляне отражали нападение Кончака на Поднепровье, Игорь снова уклонился от участия в общем деле, сославшись на то, что «туман был очень силен» и его войско, дескать, не могло найти дороги к главным силам.

Автор «Слова» употребляет весь свой талант на то, чтобы как-то сгладить тягостное впечатление от поведения князя. Он говорит о личной храбрости Игоря и Буй-Тура Всеволода, о дерзком и опасном побеге князя из плена; вводит обаятельный образ Ярославны, стремящейся помочь раненому мужу. Ограничиваясь этими вынужденными комплиментами Игорю, автор дает понять, что главное для него — судьба Руси в грандиозных и непрерывных схватках с половцами середины 1180-х годов.

Идеализировать Игоря, считать его главным героем поэмы (или чуть ли не ее автором) и самоотверженным защитником Русской земли — значит следовать в его оценке оперному либретто, а не историческим фактам.

Еще более неприемлемой представляется другая тенденция, выражающаяся либо в умалении заслуг великого князя Святослава Киевского, организатора противостояния Кончаку в 1184—1185 годах, либо же в принижении самого автора «Слова», будто бы ничего не понимавшего в современной ему действительности и жившего какими-то устарелыми, патриархальными идеалами.

Святослав Всеволодич Черниговский был великим князем Киевским четырежды: в 1174, 1176, 1176—1180 годах и окончательно с 1181 по 1194 год. В отражении похода Кончака на Переяславль и Киев (конечная цель) он играл главную роль: приглашал «помочи» из

отдаленных мест, возглавлял войска на правом берегу Днепра от Треполя до Канева и совместно с другими князьями форсировал Днепр, чтобы освободить осажденный Переяславль («Святослав же с Рюриком и со иными помочьми влегоша во Днепр противу половцем»). Призыв Святослава к русским князьям, его «злато слово» не было далекой от реальности гиперболой — незадолго до этого, в 1184 году, почти все эти князья (галицкие, волынские, смоленские, туровские) участвовали под его знаменами в победоносном походе против Кобяка. Считать Святослава, как это иногда делается, второстепенным князем нет никаких оснований.

Что же касается автора «Слова», то все, о чем он писал, — результат прекрасного знания им тогдашней действительности во всей ее противоречивой сущности. Исторические изыскания автора «Слова о полку Игореве» восхищают нас точностью и тонким анализом исторических явлений и событий. Применительно к своим современникам автор поэмы не давал устарелых рецептов, не предавался бесплодным воспоминаниям о какой-то патриархальной старине, а всем своим мудрым призывом стремился осудить князей-дезертиров вроде Давыда Смоленского, ускокавшего домой с фронта противостояния Кончаку летом 1185 года, и сплотить всех князей на немедленную общую битву за Русь. Это не патриархальная архаика, а насущная общенародная патриотическая задача «трудного» времени половецких нашествий.

Итак, судя по заголовку, «Слово о полку Игореве» можно истолковывать как песнь, посвященную трагическому походу двух братьев, русских князей, в апреле—мае 1185 года. Но все содержание поэмы, все общерусские устремления автора-патриота в сопоставлении с исторической действительностью 1160—1180-х годов говорят о значительно более широком замысле и звучании поэмы, написанной в Киеве в самый разгар длительной общерусской борьбы с объединенными силами всего половецкого «Поля».

Противостояние Руси половцам возобновилось в 1168 году походом, объединившим русских князей от Пинска в истоках Припяти до Курска в верховьях Сейма. В 1184 году потребовались новые общие усилия, и Святослав Киевский во главе войск одиннадцати князей одерживает блестящую победу в днепровских Порогах, взяв в плен хана Кобяка и семнадцать других ханов. Поэт восторженно воспел эту победу, назвав Святослава «грозыным и великим», заслужившим похвалу народов половины Европы. «Ту немци и венецици (венецианцы. — *Б. Р.*), ту греци и морава поют славу Святъславлю...».

Ожесточившиеся после поражения половцы во главе с Кончаком из династии Шаруканидов бросили свои силы на Русь в феврале 1185 года, стремясь «пленити... грады Рускые и пожещи огньмь...». Святослав отогнал многотысячное войско половцев; распутица не позволила завершить преследование. Кончак увел свои войска в степь. Святослав задумал большой общерусский поход в степь летом 1185 года, но Игорь тайно от всех предпринял свой сепаратный поход в тот самый момент, когда происходила мобилизация русских сил. «Кня-

же неспособность» Святославу в эти годы выразилось в том, что чернигово-северские Ольговичи уклонились от участия в двух объединенных походах 1184 и 1185 годов. Теперь Игорь самовольно выбыл из оборонительного союза, погубил все свои войска и открыл «ворота Полю». Половцы не только обрушились на ставшее беззащитным Северское княжество Игоря, но и двинулись во главе с Кончаком к сердцу Руси — Киеву и заняли левый берег Днепра. Положение стало угрожающим: столица левобережной Переяславского княжества была осаждена половцами; у Кончака были свободны тыл и правый фланг, и он рвался к Киеву, от которого его отделяли один-два перехода конницы.

Вот здесь и зазвучал набатный голос поэта-патриота, укорявшего князей за «крамолы» и призывавшего «загородить Полю ворота». Не беспочвенным, не наивно-идеалистическим был широкий призыв автора к различным русским князьям от Галича до Смоленска — он почти точно воспроизводил перечень реальных участников недавнего победоносного похода в июле 1184 года.

Поэма завершается не возвращением Игоря на освобожденную Святославом родину, а отъездом его из Киева после получения помощи от русских князей. Этому единству и радуется поэт: «Страны ради гради весели!». Однако Кончак и на этот раз не был разбит; он был только отброшен от Руси, и, захватив пленных, половцы «пойдоша во свояси». Угроза сохранялась.

Не следует забывать слов К. Маркса, полностью соответствующих всему комплексу источников о жизни Руси в XII веке; великую поэму он охарактеризовал как «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹.

С. АВЕРИНЦЕВ, доктор филологических наук

Древний урок человечности

Ровно восемь веков назад был предпринят поход, закончившийся неудачей; и вот случилось так, что память о нем стала для русской культуры драгоценным достоянием.

Все мы помним со школьной скамьи, как горько пришлось заплатить новгород-северскому князю Игорю Святославичу за нежелание делиться с другими князьями славой победы. Ни победы, ни славы не было, воины понапрасну полегли на берегу Каялы, о которой до сих пор не известно, что это была за река, не самое название которой звучит для нашего уха загадочно и грозно, словно древнее проклятие. Князь испытал участь пленника, и если ему все же удалось бежать, так ведь это тоже не просто — он бросал на произвол судьбы своих дружинников, товарищей по несчастью. Ипатьевская летопись повествует, как он поначалу зарекался от побега: «...Неславнымъ поутемь не имамъ пойти». Он так много думал о славе, и ему не осталось иного пути на волю, кроме «неславного». Что ж, историки разъяснят, насколько типичной для эпо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 29. С. 16.

хи была коллизия между личной гордыней феодала, который вел *свою* войну, предпринимал *свой* поход, и долгом полководца, государственного мужа перед всей родной землей. Филологи добавляют, как подобная коллизия проявлялась то в одной, то в другой средневековой литературе, — вспомним хотя бы Беорнота, герцога Эссекского и героя эпоса о битве при Мэлдоне, который отказом от переговоров с викингами и неуместной демонстрацией заносчивого великодушия в способе ведения войны навлек гибель на свою дружину и беду на свой народ. Все это неудивительно. Удивительно другое — что мы спустя восемь столетий вспоминаем 1185 год как одну из самых славных вех нашего исторического предания. Слава явилась, хотя совсем не та, о которой мечтал князь, — не та, что добывают для себя, а та, что принадлежит всему кругу культурной и жизненной традиции, принимающему в себя все новые и новые поколения. Опыт поражения князя Игоря был настолько переработан и осмыслен творческой совестью русской литературы, что это уже имеет отношение к самому важному делу: чтобы сбылась Россия как явление духовное.

Вот рассказ той же Ипатьевской летописи об обстоятельствах пленения Игоря. Князь в руках врагов: о чем он думает — о себе, о своей униженной гордыне? Нет, о брате Всеволоде, которого видит в самой гуще боя, «крепко борющаяся». Им владеет не ярость попавшего в западню храброго хищника, а жалость, тревога за другого. А на какие мысли наводит его плен? С чувством вины припоминает он горе, которое сам причинил другим, когда в междоусобной войне отдал на разграбление город Глебов. Казалось бы, что ж тут такого — во времена усобиц чуть ли не все так поступали, и весьма вероятно, что поступок Игоря был лишь ответом на подобные действия Владимира Переяславского. С точки зрения феодальной этики все правильно. Но нет, своя беда пробуждает у героя чуткость к чужой беде и к своей вине. Это замечательная черта, для которой едва ли сыщется аналог в какой-либо из литератур той эпохи. Как кажется, мы вправе усмотреть в ней приметку русского характера. Когда рыцарь иной страны искал бы в горделивой замкнутости компенсации своей неудачи, князь Игорь не боится чувствовать себя виноватым, дает страданию довести себя до точки совести и жалости. (Для контраста: такому «зерцалу рыцарства», как Ричард Львиное сердце, едва ли приходили на ум за восемнадцать месяцев плена бедствия безвинных жертв его войн, в том числе и тех, которые он вел против родного отца, — по крайней мере, предание об этом умалчивает.)

Интонация жалости звучит в «Слове о полку Игореве», как, пожалуй, ни в каком другом произведении героического эпоса. Конечно, великая эпическая поэзия во все времена и у всех народов была совсем не такой, какой ее хотелось бы видеть завоевателям и хищникам. Вопреки Ницше она в конечном счете поразительно мало говорила о «добыче и победе», она воспевала не удачу, а мужество и потому была внимательна к страданию, перед лицом которого мужество осуществляет себя. В «Илиаде» Гомера ни о какой победе, собственно, речи нет; Ахилл до победы не доживет, и это ему известно заранее:

Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть
Здесь, далеко от отца и от матери...

Исход войны увиден не глазами будущих победителей, а глазами
будущих побежденных:

Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

Из «Песни о Роланде», с которой не раз сопоставляли «Слово о полку Игореве», достоянием веков стала не картина того, как бароны Карла Великого наводят «христианский» порядок в побежденной Сарагосе, а нечто совсем иное — последняя, смертная битва Роланда, вдохновляемая верностью чести, его слезы (перед лицом неминуемого собственного конца) над гибелью боевых товарищей — Оливье и Турпена, пожалуй, также и замыкающий поэму плач Карла, старика, тоскующего о покое и вынужденного велением долга отказаться от него. Героическая бодрость настоящего эпоса, как небо от земли, далека от бездумной победительности; это — общее положение. Но и на таком фоне «Слово о полку Игореве» остается явлением уникальным. У стихии эпического «плача» словно открывается новая глубина. Ну, кажется просто к слову помянуты речка Стугна и утонувший в ней когда-то почти за столетие до времен Игоря юный князь Ростислав Всеволодович, и плакавшая тогда по нему мать — все дела давних лет, слезы высохли и косточки сгнили, — а уже выстраивается целый ландшафт сострадания: «Уныша цветы жалобю, и древо стугою к земли преклонило...». Чуть варьируемая, эта формула уже была введена выше — в надгробном плаче по воинам Игоря, полевшим на берегу Каялы. Повтор придает формуле характер рефрена и определяет атмосферу целого, задает особый тон, созвучный мелосу русской народной песни и мягко ниспадающему ритму плавных линий в древнерусской живописи.

Когда мы говорим о теме жалости в «Слове о полку Игореве», невозможно не вспомнить плач Ярославны. Его переложениями, отзвуками, отголосками полна русская поэзия двух последних веков. Его единственная в своем роде популярность имеет, как всякая популярность, теневую сторону. Сколько раз эпическое причитание дочери Ярослава Осмомысла превращали в чувствительный романс! Мы вправе посетовать на бесцеремонность подражателей, насильственно приближавших плач Ярославны к совсем иному вкусу — когда-то салонному и сентиментальному, ныне угловатому и резкому. Можно улыбнуться и тому, что в разных поколениях находились читатели, для которых чуть ли не все «Слово» сводилось к плачу Ярославны. Однако кривое зеркало по-своему тоже отражает реальность. Во-первых, плачу Ярославны объективно принадлежит особое место внутри художественного целого. Им подготовлено и заранее оправдано бегство Игоря из плена; рассудочные соображения государственной пользы и княжеского права здесь не помогли бы — только

слезы Ярославны достаточно чисты, чтобы омыть бесчестие князя. Очень важно, что любовь предстает не как влюбленность или страсть, не как куртуазное преклонение, но как жалость жены к мужу, во всем подобная жалости матери к сыну. Поэтому плач матери по Ростиславу (кстати, что характерно для русской культуры чувства), удостоившийся специального упоминания в «Повести временных лет», звучит внутри «Слова» как эхо голоса Ярославны. А когда нужно перечислить высшие радости жизни, которым Яр-Гур Всеволод предпочел брань, в самом конце, то есть на самой вершине, помянуты «свычай и обычай» его жены, прекрасной Глебовны. «Свычай и обычай» — тихое, повседневное, домашнее тепло. Во-вто-рых, плач Ярославны вправду близок самым разным эпохам русской жизни. Еще в начале нашего века русская крестьянка, провожавшая мужа в солдатчину, причитала почти теми же словами:

Подавать буду зычный голос свой
 Далеко на чужую сторонушку,
 В города ли да во украинные,
 Во полки ли да во солдатские...
 Ты подумай-ко, мила ладуша —
 То кукует ведь не кукушечка,
 А горюет твоя молода жена...

Воин и женщина — тема общечеловеческая. У истоков европейской гуманистической традиции — несравненный разговор Гектора и Андромахи в VI песне «Илиады». Однако троянская героиня, отговаривая мужа от участия в бою (как и позднее, под конец поэмы, оплакивая его бездыханное тело), собственно, жалеет не его, а себя самое и сына, перечисляя, какие беды ждут вдову и сироту без заступника. В «Песни о Роланде» есть лаконичная и строгая, но тем более выразительная сцена, когда невеста героя, узнав о его гибели, наотрез откачивается от брака с наследником престола и тут же падает мертвой; самая мысль о жизни без Роланда для нее несносна. В этом много благородства и прямоты и немало гордости. Но где в мировой поэзии найдем мы такую жену героя, как Ярославна, которая рвется обтереть кровавые раны на теле мужа, мгновенно и точно схватывая своим воображением, что тело это страждет в жару? Нешуточность и конкретность такого проявления деятельной любви даже в чисто поэтическом отношении, не говоря о всех прочих, превосходит всю роскошь языческих персонификаций сил природы, к которым Ярославна обращается за помощью.

Когда на нашей памяти Константин Симонов написал свое «Жди меня», его стихи стали не фактом русской поэзии, а фактом русской жизни. Еще не так давно простые люди у нас говорили о супружеской любви: «жалеть». Представление о любви жены как о силе жалости, удерживающей воина на краю смерти, есть для нашей нравственной традиции необходимость.

«...Кровавые его раны на жестоцемя его теле» — эти слова можно повторять снова и снова. Без них и без всего, что им сродни, Россия не была бы Россией.

Л. ДМИТРИЕВ, член-корреспондент АН СССР

Идейная и художественная сила «Слова»

«Слово о полку Игореве» стоит в одном ряду с самыми великими творениями словесного искусства всех времен и народов. В небольшом по объему тексте (в современном измерении это половина печатного листа) нашли отражение самые разнообразные человеческие чувства: любовь к родной земле, героизм подвига и беззаветная отвага воинов в бою, сочувствие к простым людям, страдающим в период вражеского нашествия, глубокое понимание материнского горя, чувства сострадания и любви. И все это выражено кратко, лаконично, в высоких поэтических образах: автор «Слова» широко использует метафоры, эпитеты, сравнения, глубоко уходящие корнями своими в устное народное творчество. Но это не перенесение отдельных слов, образов, оборотов устного происхождения в письменный текст, а их творческая, литературная переработка, что придает им в тексте памятника особую красоту и совершенство. «Слово о полку Игореве» насыщено образами природы: здесь и многочисленные сравнения человеческих действий и поступков с повадками зверей и птиц, и описания явлений природы, соотносимые с людскими делами и судьбами, и описания животного мира, всей природы, сочувствующей, предупреждающей, помогающей и препятствующей героям поэмы, которых автор любит, жалеет и вместе с тем, когда они того заслуживают, осуждает и творит над ними свой суд, ибо самым высоким идеалом для него остается благо родной земли и народа.

«Слово о полку Игореве» — выдающееся произведение человеческого гения еще и потому, что, несмотря на его краткость, автор сумел не только отразить в нем самую суть исторических событий своего времени, но и сопоставить события эти с историей далекого прошлого. Этот глубокий историзм «Слова» основан на том, что его автор прекрасно знал замечательный памятник древнерусской истории и литературы — «Повесть временных лет», устные предания далекой древности, творчество русского поэта Бояна — певца конца XI — начала XII века.

Величие «Слова» и в том, что это было остропублицистическое произведение, пронизанное глубоким патриотизмом, думами и заботами о судьбе своей страны и своего народа. Неизвестный нам автор «Задонщины» увидел в победе над Мамаем, когда со времени установления золотоордынского ига над Русью минуло почти полтора века, осуществление на деле призыва автора «Слова о полку Игореве»: объединенные силы русских князей смогли нанести сокрушительное поражение иноземным захватчикам.

«Слово о полку Игореве» зажило новой, активной жизнью в истории культуры и литературы XIX и XX веков. Можно с полным основанием сказать: оно стало живой, неотъемлемой частью литературного процесса нового времени и до сих пор не перестает привлекать внимание литературоведов, лингвистов, историков. Новые исследования «Слова» расширяют наши представления о его языковых

особенностях, о связях памятника с устным народным творчеством, о тайнах его поэтики, об исторических реалиях, отразившихся в поэме. Но творческий потенциал «Слова» настолько велик, что новые наблюдения, находки и открытия, приоткрывая какие-то тайны этого произведения, вместе с тем ставят и новые задачи перед его исследователями. Вот почему так велика исследовательская литература о нем.

Литературное совершенство «Слова о полку Игореве», глубина его образов неизменно притягивают к себе писателей, художников, композиторов. До сегодняшнего дня оно переводилось и переводится и прозой и стихами. К настоящему времени накопилось огромное количество переводов «Слова», и среди них принадлежащие перу таких поэтов, как В. А. Жуковский, А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт, Н. А. Заболоцкий. Поэтому дальнейшие его переводы могут иметь успех лишь в том случае, если поэт сможет не просто переложить древнерусский текст на современный язык, но именно средствами современного поэтического языка с наибольшей полнотой и тонкостью выразить поэтическую тайну этого гениального творения XII столетия.

Мы понимаем, что «Слово о полку Игореве» — памятник литературы Древней Руси. Однако идейная и художественная сила этого произведения восьмивековой давности столь велика, что оно близко и понятно каждому современному читателю. Вот почему, отмечая 800-летие «Слова», мы гордимся не только тем, что у истоков трех братских литератур — русской, украинской и белорусской — стоит столь совершенное творение человеческого гения, но и тем, что памятник этот остается неизменно живым и прекрасным.

О. СУЛЕЙМЕНОВ, поэт, депутат Верховного Совета СССР

...Хороброе гнездо

Вот уже сотни лет живет и действует в политике и культуре «Слово о полку Игореве». Тому, кто знаком хотя бы с частью написанного о нем в разные периоды, приходилось, наверное, наблюдать любопытное явление: литературный памятник изменяется во времени. Движение поэмы по шкале читательского мировоззрения увеличивает и число ракурсов ее прочтения. «Слово» все более раскрывается: в нем проступает, становится зримей то, что, скажем, в прошлом веке еще не могло проявиться. Сверкнет новой гранью этот удивительный памятник культуры, увидится новая деталь поэтического механизма.

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...» Сотни раз ты прочитывал эту фразу, и всякий раз останавливала она внимание своей какой-то загадочной гармоничностью. И вдруг ты понял, чем объяснить уникальность употребления древнерусской полногласной формы эпитета. Семь раз в поэме встречается привычный книжный славянизм «храбрый» и лишь однажды народная лексема — «хороброе».

...В неровном, тревожном сне забылись дружины Игоря и Всеволода. Утром битва, печальный исход которой автору известен. Лексическая картина усиливается нагнетанием гласного «о» — самого минорного звука русской речи. «О» — одна из тех редких фонем, которая зарабо-

тала» в языке самостоятельную семантику. Часто встречаясь под ударением в словах, выражающих предельные, подчас полярные состояния или явления, этот звук приобретает в подсознании говорящего особое, характерное значение. Почему так родственны «уродство» и «гордость», «гром» и «звон», «совесть» и «горе»? Почему «огонь» в речи не враждует с «холодом» и «морозом»?

Все предельное — огромно, много, очень долго — нарушает привычное течение жизни, вызывает беспокойство и тревогу. Самые противоестественные понятия озвучиваются этим замкнутым гласным — «бой», «мор», «вой», «кровь», «боль», «погост», «покой»...

Колокольный, угрюмый, звук, настаиваясь в словах, обозначавших огромное, непостижимое, откладывается в подсознании говорящего как альтернатива жаркому «а»!

Тревога и робость — ох!, а радость отваги — ах! Или, как у Марины Цветаевой: «Ох — когда трудно, и ах — когда чудно».

Круговая оборона и яростная атака — вот образное различие характеров этих гласных в поэтической речи: «Страны ради, гради весели». Эти яркие строки «Слова» предвещают современное: «Яростные, русские, красные рубахи» (А. Вознесенский).

...В русском языковом спектре звук «о», несомненно, отличался холодным тоном. И поэт Средневековья услышал это и использовал свое открытие. Во имя целостности создаваемой картины — лексически и вокально — он нарушает орфографическую норму, вовлекая народное речение в книжную лексику. Четырежды акцентированный «о» в поэтической фразе придает картине объемность и печальный, замедленный ритм, замыкает кольцевую композицию эпизода, начатого со слов: «Долго ночь меркнет...».

Исход битвы уже предсказан плачем «о». Такое сознательное использование музыкального подтекста крайне редко встречается в средневековой поэзии. Да и в современной нечасто. Наши аллитерации не выходят за пределы звукоподражания.

Десять лет назад вышла моя книга «Аз и Я», часть которой посвящена истории прочтения «Слова» учеными-специалистами. Эта работа навлекла на себя острую и порой справедливую критику. Некоторые обратили, в частности, внимание на то, что исследователь-поэт упустил из виду оригинальную поэтику памятника. Действительно, я не включал эту тему ни в одну из своих статей, а именно своеобразие поэтическое служит сильным аргументом, доказывая подлинность «Слова о полку Игореве». На встречах с читателями, рассказывая о литературном мастерстве поэта Средневековья, я подчеркивал мысль, что перевод в современную языковую норму разрушает иногда поэтическую картину. Памятнику наносится невосполнимый ущерб. Во всех сегодняшних переводах мы читаем: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо». И четырех ударных «о» осталось всего два, да и они оказались разрозненными. Разрушена звуковая метафора, поэтическая фраза превратилась в прозу. Если бы автору «Слова о полку Игореве» был неважен тонический подтекст, он мог бы и сам в восьмой раз написать «храброе», не дожидаясь, пока его поправят.

Думается, отдельные места «Слова» целесообразно сохранять нетронутыми в академических и стихотворных переводах. Ведь в эти строки,

быть может, заформован элемент великой поэтической системы, которая должна быть обязательно учтена при построении современных и будущих моделей мировых литературных культур.

...И до сих пор продолжают спорить о личности неизвестного автора «Слова». Те, кто сомневался в подлинности памятника, искали исполнителя подделки в кругу лиц, занимавшихся литературой и историей в XVIII веке, назывались даже конкретные имена. Но, как в свое время заметил А. С. Пушкин, в России XVIII века не было литератора, обладавшего столь сильным талантом, который обнаруживается в строках «Слова». А рассмотренный мною пример служит лишь его одним подтверждением правоты пушкинского заявления — не только в российской словесности, но и во всей европейской литературе XVIII века такое осознанное использование тонического подтекста было еще или уже невозможно. Во всяком случае, примеров подобного совершенства поэтического выражения мы не встречали в письменностях этого периода.

А. РОБИНСОН, доктор филологических наук

«Слово о полку игореве» и мировая литература Средневековья

«Слово о полку Игореве» — национальное достояние восточных славян — русских, украинцев, белорусов. Среди многих литературных памятников Древней Руси мы не находим какого-либо иного произведения, которое могло бы сравниться с прекрасным «Словом». Вместе с тем можно констатировать: героическая поэзия, эпическая и эпико-лирическая (песни о подвигах, поэмы), была одним из традиционных и повсеместно распространенных видов творчества в мировом Средневековье. По своим идейным и поэтическим признакам, на мой взгляд, «Слово» занимает достойное место среди таких знаменитых памятников героической поэзии Запада и Востока, как, например, «Беовульф» у англичан, «Эдда» и песни скальдов у скандинавов, «Песнь о моем Сиде» у испанцев, «Песнь о Роланде» у французов, «Песнь о нибелунгах» у немцев и австрийцев, «Нарты» у ряда кавказских народов, «Витязь в тигровой шкуре» у грузин, песни о Давиде Сасунском у армян, песни о Джангаре и о Гесере у калмыков и среднеазиатских народов, «Хэйкэ-моногатари» у японцев и др.

Героическая эпика по сути своей была патриотична, поэты разных народов славили своих героев. Представления и мечты поэтов об отечестве и его судьбах особенно обострились в тот период, когда раннефеодальные империи закономерно распались на самостоятельные королевства или княжества. Так, в «Песни о Роланде» (XI век) незначительный военный эпизод (778 год) из походов Карла Великого обрел гиперболическую поэтизацию, причем в то время, когда империи франков уже не существовало. Французский поэт воспевал отечество, идеализируя его уже нарушенное единство. Он восклицал: «О, Франция, отчизна дорогая!», «Нет, Франции здесь слава не погибнет!». Автор «Песни о моем Сиде» (около 1140 года) тоже заботился о судьбах всей Испании и изображал своего героя неизменным ее защитником, хотя «то и было далеко от действительности. Подобного рода высокие

идеалы свойственны были ряду памятников героической поэзии. Однако автор «Слова о полку Игореве» глубже других поэтов проник в сущность княжеского сепаратизма и, вероятно, прежде всего потому, что изображал современные ему события. С удивительной четкостью осудил он политику князей: «И сказал брат брату: «это мое, а то мое се». И начали князья про малое «это великое» молвить...». В условиях Средневековья поэту удалось высказать столь высокие идеи и создать такие прекрасные образы, которые приобрели поистине вечное значение.

Разумеется, идеалы средневековых поэтов не следует прямо отождествлять с публицистикой Нового времени. Средневековая героическая поэзия была глубоко символичной, насыщенной фантазией, присущей той эпохе. Именно поэтому «Слово», как и другие шедевры Средневековья, сохраняет для нас непреходящее обаяние. Позволю себе в краткой форме наметить одно из возможных направлений изучения «Слова» в аспекте героической поэзии средних веков.

Основные символы этой поэзии во многом восходили к древнейшим мифологическим представлениям об анимизированной природе и ее взаимодействии с людьми. В соответствии с такими представлениями, в частности, золото происходило от обожествляемого солнца и, следовательно, могло само гореть и излучать свет. Например, в исландской «Младшей Эдде»: «Когда боги расселись по местам, Эгир (морской великан.— *А. Р.*) приказал внести... светящееся золото, и оно как огонь... светило во время пира». По убеждениям древних, солнце иногда (во время затмений) «съедалось» волшебным волком или драконом. Смена «света» и «тьмы» рано приобрела моральное значение борьбы «добра» и «зла». Сложился комплекс символов — «солнце», «золото», «огонь», «свет», «тьма». Эти символы перешли из политеистических (языческих) верований в монотеистические.

В древнейший период солнце обожествлялось, природа казалась одушевленной. Символика золота распространялась очень широко, «золотыми» считались чертоги («небесные» и земные), утварь, мебель, доспехи, оружие, также — кони героев, некоторые растения, вся вселенная, мать-земля, Полярная звезда и т. п. Эти традиционные представления еще сохранялись, например, в «Беовульфе», «Эдде», «Нартах» и других архаичных эпосах Европы, а также в более поздней эпике Азии, очень устойчивой в своих формах («Гесериада», «Джангариада», «Кобланды-батыр»),

С развитием феодализма и монотеистического мирозерцания универсальность комплекса утрачивается. Это характерно для христианских эпосов Европы, в которых поведение героя уже не произвольно, как раньше, а, напротив, продиктовано службой богу и сюзерену. Все компоненты комплекса сохраняются, но каждый из них постепенно превращается в метафору. Солнце становится послушным знаком божественного провидения. Золото фигурирует только в качестве знаков государственности (троны, короны; на Востоке названия государств, например, Золотая Орда), а также служит идеальному изображению героев с их «золотыми» шлемами, щитами, стременами, шпорцами (например, в «Песни о Роланде», «Песни о нибелунгах» и др.).

«Слову о полку Игореве» свойственно срединное положение между эпикой Запада и Востока, а также между двумя этапами — архаичным (языческим) и христианским. Солнце еще действует на героя непосредственно как

субъект, а символ золота служит только обозначением княжеского престижа. «Вступил Игорь князь в золотое стремя, Солнце ему тьмою путь заступало». Ярославна будто бы непосредственно обращается к силам природы, как к живым «господам»: «Светлое и тресветлое солнце, зачем, господин, простерло горячие свои лучи на воинов моего милого?». В «Песни о Роланде» тот же символ функционирует иначе. Императору Карлу нужно было продлить «ясный день», чтобы завершить победу над «сарацинами». Но он не мог обратиться прямо к солнцу. Только по его молитве «чудо явил господь» — солнце остановилось.

Герои обычно изображаются как носители «света», а их враги — «тьмы». В «Нартах» герой Бадыноко — «солнечный луч», казахский Кобланды-батыр — «лучезарный», в «Песни о Роланде» — «и горд, и светел Карл». В «Слове» Игорь — «свет светлый». Но Игорю противостоит «черный ворон, поганый половчине». В действительности хан Кончак возобновил союз с плененным Игорем и выдал замуж за Владимира Игоревича свою дочь. Однако героическая поэзия требовала не компромиссов, а контрастов. По словам поэта, половцы — «дети бесовы». Не случайно войску Игоря будто бы пришлось пробиваться к ним через «болота и грязные места», хотя южные степи давали возможности для обходного маневра. Лет за триста до похода Игоря и примерно на тысячу километров к северо-западу «светлый» Беовульф победил Гренделя, который был «темным духом» и жил в «темном болоте». Спустя триста лет после Игоря и на несколько тысяч километров к юго-востоку носитель «света» хан Гесер (как и Игорь, он «внук» солнечного божества) одолел Шэрэм-Мината, который был «черным бесом» и жил в «черном болоте». Когда половцы нанесли поражение Игорю — «на реке на Каяле тьма свет покрыла».

«Слово о полку Игореве», как всякий памятник каждого народа, имеет свои особенности. Они в определенной мере связаны с опорой автора на древнерусскую народную поэзию. Ограничусь одним примером. «На кровавой траве» умирающий князь Изяслав (шурин Святослава Киевского, в походе Игоря не участвовал) «изронил жемчужную душу через золотое ожерелье». Символ золота виртуозно объединен здесь с фольклорным символом горя и слез — жемчугом. В отличие от этого в «Песни о Роланде» смерть героя изображается в духе христианско-рыцарского ритуала: «И к небу он простер свою перчатку, // ее принял архангел Гавриил».

Указанные символы как бы оживают в «Слове» и насыщают его текст в гораздо большей степени, чем в других эпосах. Главный символ — «солнце» упоминается в поэме 7 раз (имя Бояна Вещего — тоже 7), так как семерка у всех народов считалась магическим числом (оно типично и для других эпосов). Сам автор указал: «На седьмом веке Трояиовом бросил Всеслав жребий...». «Слово» заключено поэтом в символическо-композиционную рамку: вначале солнце Игорю «тьмою путь заступало», в конце, когда для князей все кончилось благополучно, «солнце светится на небе, Игорь князь — в Русской земле». Эти феноменальные явления объясняются и реальностью. Когда Игорь был в походе, произошло солнечное затмение (1 мая 1185 года), повсюду воспринимавшееся как зловещее «знамение» (по летописям, бояре Игоря «поникли головами», «страшно видеть знамение божие»). В роду Игоря к тому же был ряд случаев, когда

его предки умирали в близких хронологических промежутках от солнечных затмений. Так, его дед Олег Святославич умер в 1115 году на 10-й день после затмения. Когда в 1113 году на 29-й день после затмения умер его родственник великий князь Святополк (он упомянут в «Слове»), летописец указал, что «знаменьє в солнце предвещало Святополкову смерть». Эти реальные совпадения и их средневековые толкования объясняют солнечную символику «Слова», свидетельствуют о личной близости поэта его героям, во многом определяют своеобразие его стиля на общем фоне героической эпики.

Героическая поэзия Средневековья, включая «Слово о полку Игореве» и другие шедевры, составляет достояние национальных культур и культуры общечеловеческой. Авторы этих шедевров во многом смогли духовно возвыситься над своим временем и средой, создать образы непреходящего значения. ◆